

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ПОСЛЕ КУБЫ — УКРАИНА ?	1
О. ВЕРХОВИНЕЦ: УКРАИНСКИЙ МОНСИНЬОР ВОЛОШИН — АГЕНТ ГИТЛЕРА	2
Л. РУСНАК: ЭТО СДЕЛАЛИ МАСОНЫ... THE MASONS DID IT!	4
ЮРИЙ ПСКОВИТЯНИН: РОСИНКА (легенда)	6
А. ГЕРОВСКИЙ: УКРАИНИЗАЦИЯ БУКОВИНЫ	9
ЕКАТЕРИНА П.: ВЕРА ХРИСТОВА . ЖИВА В РУССКОМ НАРОДЕ	12
М. КАРАТЕЕВ: АННУШКА (отрывок из исторического романа)	13
А. ГЕРОВСКИЙ: ЗАПИСКА МИТРОПОЛИТА ШЕПТЫЦКОГО	15
„ ПАПСКИЕ ЗВЕРСТВА НАД ПРАВОСЛАВНЫМИ	16
НЕВЕРНЫЙ ФОМА: ПАПСКАЯ НЕПОГРЕШИМОСТЬ И СВ. ФИЛОМЕНА	17
ПРЕЗИДЕНТ ДЖ. КЕННЕДИ, ЛЕВ ДОБРЯНСКИЙ И...	
КАРЛ МАРКС	18
ПАТРИАРШЕЕ ПОСЛАНИЕ	19
AFTER CUBA — THE UKRAINE?	20

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD KARPATO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

№ 3-4 (27-28)

Март — Апрель 1961 г.
Год издания III-ий.

Цена \$ 0.50

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ И ВСЕ РУССКИЕ ЛЮДИ, С СВЕТЛЫМ
ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА!

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИЯ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Праздник Воскресения Христова — это праздник радости, праздник, побуждающий каждого из нас к личному духовному воскресению, без которого бесплоден всякий труд человека.

В светозарную пасхальную ночь, все мы чада рассеяния, из родного края „правды ради изгнанные”, в порыве радости о Воскресшем Христе Спасителе об’единившись, посылаем наше пасхальное приветствие и целование Отечеству страждущему, где Русь Святая все еще ведет борьбу напряженную за душу человека. Стойте, братья, и мужайтесь, восклищем мы им — страдальцам: За крестом следует радость Воскресения.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Всем же вам, во Христе дорогие братья нашей Православной Церкви в рассеянии, в пасхальную ночь порывается сердце сказать: смотрите, всякий народ, нас окружающий, живет своей особой, ему присущей, внутренней силой, которая является душой народа. Вы — оторваны от своего народа и всегда об этом скорбите. Но ведь можно быть вне Отечества, вне народа, и в то же время являться его живой частью, жить его творческой силой. Творческой силой нашего народа, создавшей великое наше Отечество, давшей нам величайшую в мире культуру, не раз поднимавшей из развалин Отечество наше, является **Христова вера Православная**. Это она связала воедино необъятные просторы нашего великого края, это она, именно она, бросила первый в мире вызов сатанинскому безбожию в лице чудовищного

марксистско - коммунистического социализма. Этой силе, Христовой Вере Православной, будьте верны и вы, чада рассеяния, Ею живите, в ней себя укрепляйте. Как справедливо сказал некогда Грибоедов: „Мы, русские, только в Церкви, которая создала душу русского человека” и „является гнездом величайшей в мире культуры”. Да поможет нам Воскресший в этой силе объединиться и укрепляться.

Митр. прот. М. К. Зноско

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поет у всех душа,
Природа вся ликует,
И православный наш народ
В восторге торжествует.

Для нас, всех русских, этот день
Есть Символ Веры нашей.
Нет лучше праздника, светлей,
Торжественней и краше.

Мы в этот день прощаем всем
Обиды, оскорбленья.
Как нам простил грехи Христос,
Приняв за нас мученья.

И сердце радостью полно,
Глаза полны слезами.
„Христос Воскрес”, нам говорят,
„Воистину” — Он с нами.

Людмила Страхова

ПОСЛЕ КУБЫ УКРАИНА ?

Злополучная кубинская авантюра, сильно подорвавшая престиж Соединенных Штатов, все-же могла бы повлечь за собой благоприятные для Америки последствия, если бы начатое уже расследование о причинах провала этой авантюры было распространено также и на правительственные учреждения, которые занимаются подготовкой восстания „плененных наций” в восточной Европе.

Кубинская афера чрезвычайно неприятна, но она сама по себе не опасна для Америки в виду географического положения Кубы, незначительности ее территории и ничтожности ее сил. Но „ошибка” в роде кубинской, повторенная на европейском востоке, может иметь роковые последствия. В особенности в украинском вопросе следовало бы американскому правительству быть сугубо осторожным.

Планами отделения русского югозапада от России увлекалась Польша, Габсбургская империя, Германия, Франция и в особенности также и Ватикан.

Польша в продолжении нескольких веков владела большей частью русского югозапада. Она была одержима идеей расширения своих границ „от моржа до моржа” (от Балтийского моря до Черного моря). Вдобавок поляки были убеждены в том, что им суждено продвинуть на восток границы „западной культуры”. В этом Польшу всемерно поддерживал Ватикан в надежде, что с ее границами продвинуется на восток также и границы власти Рима.

После раздела Польши эту миссию приняла на себя Габсбургская Монархия, которая ко времени первой мировой войны даже наметила в короли „независимой Украины” эрцгерцога Вилгелма, члена габсбургской династии.

Германия еще задолго до Гитлера, во время кайзера Вилгелма, стремилась к отторжению от России всего юга с целью захвата естественных богатств этого края. Не удалось это ни Вилгелму, ни Гитлеру, намеревавшемуся выселить оттуда все население в Сибирь и заселить немцами весь юг России вплоть до самого Кавказа.

Французы сильно заинтересовались идеей создания независимой Украины под эгидой Франции после первой мировой войны, надеясь таким образом выкачать из донецкого бассейна несколько десятков миллиардов франков, которые им задолжала царская Россия.

Во время первой мировой войны, как Германия, так и Австрия, веря своим украинским агентам, были убеждены в том, что население южно-русских губерний восстанет против Москвы, как только их войска перешагнут грани-

цы России. Но никакого восстания против России не было даже тогда, когда весь югозападный край, вся „Украина”, был занят немецкими и австрийскими войсками. Восстания вспыхивали в разных местах против немцев и австрийцев. Многие немцы, занимавшие во время оккупации места в военной администрации в Киеве, после войны писали в газетных статьях и в книгах о том, как они были разочарованы, убедившись, что во всей югозападной России народ себя называет и считает русским и не имеет никакого желания отделиться от России, и что миллионы германских марок, затраченных на украинскую пропаганду, оказались выкинутыми в окно.

Отторжением югозападной России сильно заинтересовался также и Ватикан, который таким образом надеялся расширить свою власть на востоке, насильственно обратив население в унию. Главе галицкой униатской церкви во Львове, польскому графу Шептыцкому, еще до первой мировой войны были даны Ватиканом соответствующие указания, между прочим, также и право смещать всех непокорных православных епископов, высылать в Московию и заменять их униатскими епископами „украинских убеждений”.

Это видно из записки митрополита Шептыцкого австрийскому правительству, которую мы напечатали в последнем выпуске „Свободного Слова”. В этой записке граф Шептыцкий убеждал австрийское правительство в том, что „украинцы” немедленно восстанут при вступлении австрийских войск на их территорию. Точно то же говорят теперь украинские самостийники американскому правительству.

После первой и второй мировой войны многие профессиональные „украинцы”, работавшие раньше в Европе для Австрии, Германии и Ватикана, перекочевали в Соединенные Штаты. Здесь они продолжают свою работу, получая американские доллары и вода за нос несведущих и легковверных служащих министерства иностранных дел и военное ведомство, а также и многих членов Конгресса, которых они уже успели убедить в том, что в случае войны с Советским Союзом Америка может рассчитывать на восстание в „Украине”, которая ждет — не дожидается прихода американских войск и отторжения от России.

Насколько наше правительство увлеклось „украинской идеей” доказывает закон о „Неделе Плененных Наций”, с перечислением этих наций, в том числе не только Украины, но и таких, о которых никто никогда не слышал, вроде „Казаккии” и „Идель Урала”.

Инициаторами закона о „Плененных Нациях” были Добрянский и Эдвард О-Коннор, оба профессора иезуитских университетов. В протоколах заседаний Конгресса от 21 января 1960 года Добрянский упомянут, как „инициатор” закона, а О-Коннор в письме редактору „Нью Йорк Таймс” сам назвал себя „консультантом Конгресса” по этому вопросу (см. Нью Йорк Таймс от 9. февраля 1960 г.). Очевидная нелепость закона возмутила профессора принстонского университета Григория П. Чеботарева, который обратился по этому поводу к сенатору Фулбрайту, возглавляющему сенатскую комиссию иностранных дел и указал, между прочим, на то, что никакой „Казаккии” никогда не было. Профессор Чеботарев — донской казак, находившийся за все время революции и гражданской войны в казачьих областях в казачьих войсках, сражавшихся против большевиков. Профессор Чеботарев настаивает на расследовании этого дела. Он готов выступить в качестве свидетеля под присягой перед следственной комиссией Конгресса. Кроме него, в Соединенных Штатах имеются сотни казаков, проживавших в то время в казачьих областях, которые могут засвидетельствовать под присягой, что никакой „Казаккии” не было.

Что правительственные круги в Вашингтоне принимают пана Добрянского всерьез доказывает факт, что не так давно этого иезуитского профессора внезапно произвели в полковники и пригласили в качестве эксперта в Пентагон. Повидимому там поверили в возможность вызвать восстание на Украине при помощи пана

полковника Добрянского, поверили, что несуществующая подпольная украинская армия представляет из себя „грозную силу” и что, например, в окрестностях Шепетовки (!) были жестокие бои украинских повстанцев с советскими отрядами и что эти повстанческие отряды скрываются „в лесах, окружающих Шепетовку”, вокруг которой никаких лесов нет.

Необходимо выяснить, была ли „инициатива” вышеупомянутых двух иезуитских профессоров только результатом их невежества, или же они сознательно одурачили Конгресс. И в том и в другом случае, они не годятся быть советчиками-консультантами ни Конгресса, ни министерства иностранных дел, ни военного ведомства. Если окажется, что они не так невежественны, как можно бы заключить из ложных информации, которые они дают Конгрессу, и несомненно также и правительству, то необходимо выяснить, с какой целью они это делают.

Расследование истории возникновения закона о Плененных Нациях и о мотивах его инициаторов может оказаться той ниткой, которая поведет к клубку интриг, стремящихся использовать Америку для целей, не только не имеющих ничего общего с ее интересами, но и крайне опасных, могущих окончиться так же печально и скандально, как кубинская авантюра, однако с той весьма существенной разницей, что неудача вроде кубинской в восточной Европе не будет только материалом для сенсационных газетных статей...

УКРАИНСКИЙ МОНСИНЬОР ВОЛОШИН — АГЕНТ ГИТЛЕРА

В мае месяце 1938 года в Карпатскую Русь отправилась из Америки делегация Карпаторусского Союза, в составе трех лиц: Ивана Попа, о. протоиерея Иоанна Янчишина и д-ра А. Геровского. Результатом их поездки было провозглашение осенью того же года автономии Карпатской Руси, гарантированной нашему краю сен-жерменским договором, подписанным 10 сентября 1919 г. великими державами-победительницами и представителями новой Чехословацкой Республики: д-ром Карлом Крамаржем и д-ром Эдуардом Бенешем. Чешское правительство в течение двадцати лет не удосужилось предоставить Карпатской Руси автономию, хотя она была предусмотрена также и чехословацкой конституцией.

Два члена делегации — Иван Поп и протоиерей Иоанн Янчишин, по истечении двух месяцев уехали из Чехословакии, передав свои пол-

номочия оставшемуся там третьему члену делегации, д-ру А. Геровскому, который и довел дело до провозглашения автономии. Чехословацкое правительство пробовало упразднить автономию Карпатской Руси, решив арестовать Геровского и выслать его за пределы Чехословакии. Однако, благодаря вмешательству югославянского посла в Праге, потребовавшего освобождения Геровского и разрешения ему оставаться в Чехословакии, генерал Сыровый, заменивший бежавшего за границу президента Бенеша, был принужден признать автономию и первое автономное правительство во главе с карпатороссом Бродием, русским, противником украинского сепаратизма. Несколько дней спустя чехословацкий министр иностранных дел, д-р Хвалковский, передал д-ру Геровскому приглашение германского министра иностранных дел Риббентропа приехать в Мюнхен для пере-

говоров. Хвалковский сказал Геровскому, что чешское правительство предоставляет ему для этой цели военный самолет, который доставит его в Мюнхен через два часа. К большому огорчению и ужасу пана Хвалковского Геровский отказался поехать в Мюнхен на свидание с Риббентропом.

Посоветовавшись с югославянским послом в Праге, Геровский полетел в Белград. Когда на следующее утро он зашел в президиум югославянского правительства, ему там сообщили, что только что было получено известие о том, что пражское правительство арестовало Бродия, председателя автономного карпаторусского правительства, и что на его место назначен униатский монсиньор Волошин,* украинский самостийник. Не будет лишним отметить здесь, что в то время во главе автономной Словакии оказался римокатолический монсиньор Тисо.

Геровский немедленно тут же из президиума югославского министерского совета позвонил в Прагу министру иностранных дел Хвалковскому. Его в министерстве не оказалось и вместо него с Геровским разговаривал его заместитель д-р Масаржик.

На вопрос Геровского, на основании какого права чешское правительство могло арестовать главу автономного карпаторусского правительства и назначить на его место человека, к которому большинство русских Карпатской Руси не имеет никакого доверия, — д-р Масаржик ответил, что чешскому правительству пришлось это сделать потому, что ему „так было приказано свыше“. Когда Геровский выразил свое удивление по этому поводу, Масаржик прибавил: „Нам пришлось сделать еще и что-то другое, что нам было гораздо более неприятно“. А на вопрос, что такое, он сказал: „Мы им (т. е. Германии) должны были лать экстерриториальную дорогу, соединяющую Бреслау и Вену через нашу территорию“.

Волошин перекрестил Карпатскую Русь на „Карпатскую Украину“ и возмечтал сделать из нее Пьемонт для создания „Великой Украины“. 14 марта 1939 года он объявил независимость Карпатской Украины, а день спустя он бежал от мадьяр в Румынию, а оттуда в Югославию, в город Загреб, где находилась главная квартира хорватской крестьянской партии д-ра Мачека, прислужника Рима. Там, после свидания с ним, в печатном органе Мачека появилось его интервью, часть которого мы приводим ниже в русском переводе.

*) Впоследствии, уже в Америке, д-р Милан Ходжа, последний министр-президент Чехословакии, сообщил д-ру Геровскому, что гитлеровское правительство потребовало, чтобы и он, Геровский, был арестован вместе с Бродием.

Вот что сказал Волошин:

„Когда я понял, что чехословацкая федерация, возникшая в результате мюнхенского соглашения, приговорена к исчезновению, я общил в Берлин интересное предложение, сделанное мне Венгрией. Будапешт предложил включить Карпатскую Украину в состав державы святого Стефана и предоставить нам автономию на подобие той, которой пользовалась Хорватия и Славония в Австро-Венгерской империи. Я был согласен принять это выгодное предложение, но я не мог этого сделать без разрешения Берлина. Это случилось в первой половине месяца марта. Берлин запретил мне дать ответ на венгерское предложение на том основании, что оно не соответствует духу венского арбитража. Германия не хотела допустить, чтобы Венгрия имела границу с Польшей. Вследствие этого я провозгласил 14 марта независимость Карпатской Украины. Мне опять сообщили, что мы Германии необходимы для создания Великой Украины, которое начнется с присоединения украинских частей Польши, а затем всей русской Украины.“

Ввиду такого положения вещей мне не оставалось ничего другого, как защищать новое украинское государство от венгерских притязаний.

Вот почему, когда мадьяры перешагнули нашу границу, я приказал сопротивляться, не сомневаясь ни на минуту, что действую согласно пожеланиям вождей Райха, и что германская армия поспешит нам на помощь. Иначе, рассчитывая только на наши силы, я никогда не принял бы такого решения. Видя, что германские войска не илут нам на помощь, я опять обратился с просьбой оказать нам помощь, необходимую для нашей защиты. Но германский ответ был диаметрально противоположен тому, что мне было сказано всего только несколько дней тому назад. Я не был в состоянии скрыть своего возмущения, когда мне было сказано так между прочим: „Все переменялось! Славайтесь! Принесите эту жертву!“ Что мне оставалось делать кроме как бежать? Те, кто вчера еще были моими защитниками, бросили меня на произвол судьбы и даже не удосужились дать мне какие-либо объяснения“.

Из этого заявления совершенно ясно, что монсиньор Волошин был агентом Гитлера, и что товарищ чешского министра иностранных дел д-р Масаржик сказал доктору Геровскому правду, когда он сообщил ему, что чешское правительство арестовало главу автономного карпаторусского правительства Андрея Бродия, русского, и назначило на его место „украинского“ монсиньора Августина Волошина по приказу Берлина.

„ЭТО СДЕЛАЛИ МАСОНЫ“ ...

Так заявил униатский львовский митрополит Шептыцкий в своем послании от 2 августа 1938 года. Сказал он это по поводу „потрясающих событий на Холмщине“, а именно „в защиту гонимых наших братьев, не соединенных православных христиан Волыни, Холмщины, Подляшья и Полесья“. Дальше галицкий митрополит, он же польский граф Шептыцкий, говорит:

„Около ста церквей разрушены. Многие закрыты. Некоторые сожжены руками неизвестных преступников. Около закрытых храмов и часовен запрещены богослужения. Среди уничтоженных церквей есть драгоценные старинные памятники церковной архитектуры. Часто уничтожали и предметы религиозного культа. Людей принуждали, иногда насильственно, принимать римокатолическую веру с латинским обрядом. Священников, которые содержались лептами бедного населения, выселяли и строго наказывали денежными штрафами или тюрьмой. Ни в чем не повинных людей часто били и изгоняли из их селений. Запрещали даже учить Закону Божьему и проповедывать на родном языке.

Православная церковь скорбит. Православные церкви за границую державы приказали молиться и поститься для того, чтобы выпросить у неба прекращение религиозного преследования.

Все православноз население Польши встревожено. Население Холмщины оскорблено в своих самых святых и самых благородных чувствах. А все соединенные со Вселенскою Церковью Восточные (т. е. униаты) — болезненно чувствуют удар, нанесенный самому делу объединения...

События в Холмщине уничтожают в душах православных, несоединенных наших братьев, самую мысль о возможности соединения, и представляют Вселенскую Церковь вражеской и опасной православному народу. В глазах нескольких миллионов населения Польши Апостольский Престол представлен сообщником погрома. Открывается новая пропасть между Восточною и Вселенскою Церковью.

Кому же приписать этот материальный и моральный погром? Кто посмел в католической державе на глазах представителя Апостольского Престола — Нунция, на глазах многочисленных католических епископов нанести Вселенской Церкви такой страшный удар?..

Это могло случиться только вследствие инспирации скрытых врагов Вселенской Церкви и христианства. Такое дело не могло никому принести пользы, кроме них..

Законспирированные враги христианства не могут в Польше выступать открыто против католиков, ибо эти последние слишком сильны. Они должны маскировать свои удары, они это делают через посредство других, но и тогда возможно их узнать по цели, которую они преследуют. Ободренные успехом, они посмели в данном случае нанести тяжелый удар ни в чем неповинным бедным крестьянам и священникам Холмщины, которых никто не мог обвинить в нелояльности к державе; удар, которого нельзя было оправдать никаким обвинением, брошенным этому народу...

Мы должны почувствовать больно все мучения наших братьев, а противохристианские поступки мы должны осудить. Уничтожение церквей, запрещение богослужений и наказания за молитву мы должны считать фактами религиозного преследования.

К сожалению, мы должны считать триумфом массонов, врагов Церкви, этот моральный удар, который они нанесли самой идее объединения церквей и авторитету Вселенской Церкви и Апостольского Престола.

Мы должны протестовать против попытки бросить хотя бы тень подозрения, что борьбу против православной церкви одобряет Апостольский Престол...

В настоящее время, может быть, католическое общественное мнение еще не ориентировалось, сегодня еще многие католики не дают себе отчета в том, что случилось, в том, что есть и останется грозным мemento для католической Польши...

Подлютое, в день св. славного пророка Ильи, 2 августа 1938

АНДРЕЙ
Митрополит

В связи с этим пастырским посланием интересно отметить факт, что униатский митрополит — польский граф Шептыцкий как будто только в августе месяце 1938-го года узнал об ужасающем гонении на православную церковь в Польше, которое продолжалось без перерыва уже полных девятнадцать лет, с 1919-го года, т. е. с самого начала существования воскресшей независимой Польши, сразу же захватив-

шей большие пространства этнографической русской территории. Он как будто ничего не знал о том, что в 1920-ых годах в центре Варшавы был взорван величавый православный собор и сравнен с землей, причем это сделали не „известные преступники“, которые согласно его посланию разорили, сожгли или закрыли сотни православных храмов в Холмщине и на Подляшье. Это было сделано официально польским правительством, проводимым через польский сейм специальный закон и ассигнованным на эту цель три миллиона злотых. Как будто ничего не слышал Шептыцкий и о том, что в 20-х годах в Холме площадь, на которой стоял собор, была определена польским правительством под ярмарку скота, причем часть площади, примыкающая к алтарной части, была отгорожена для свиней. Не слышал, очевидно, ясновельможный польский граф и униатский митрополит также и о том, что холмский епископ Сергей был арестован польским правительством и заключен в Яблочинский монастырь, в котором он прожил всю зиму без какой либо обстановки, с разбитыми окнами, заклеенными газетной бумагой вместо стекла, и что впоследствии он был выслан в Чехословакию без паспорта, при чем польские жандармы ночью в буквальном смысле слова вытолкнули его через границу в Чехословакию. Повидимому, ничего не знал он также и о том, что в 20-х годах были отняты, разрушены, сожжены или закрыты десятки православных храмов в той же Холмщине. Как будто он тоже ничего не знал о том, что кроме епископа Сергия были смещены еще три других епископа: Пантелеймон, Владимир и Елевферий, причем двое последних были высланы за границу, а Пантелеймон заключен в монастырь. О смещении, аресте и высылке православных владык, конечно, Шептыцкому было неудобно упоминать, потому что он в свое время, в 1914 году, как видно из напечатанной нами в прошлом номере его записки австрийскому правительству, сам предполагал и был к этому уполномочен папой, сместить и выслать немедленно всех православных архиереев из югозападного края России после предположенной его оккупации австрийскими войсками. Повидимому Шептыцкий также совершенно забыл о том, что римокатолическая церковь в Польше домогалась в течении многих лет, даже судом, передачи ей больше семисот православных храмов, и что после того, как римской церкви было в этом отказано польским судом, римские епископы и ксендзы во многих случаях насильственно захватывали православные храмы, не только в захолустных селах, но и в городах, как например, в Вильне.

Неужели все это делалось масонами? Неужели все римокатолические епископы, архиепископы и кардиналы, творившие все это, были масоны или танцовали под масонскую дудку? Ведь первым папским нунцием был монсеньор Ратти, при котором начались все эти гонения и который впоследствии, в 1922 году, был избран в папы и благополучно царствовал на папском престоле в Риме еще и в 1938-м году, когда Шептыцкий объявил свое пастьрское послание.

Очевидно Шептыцкий считал в течении первых пятнадцати лет существования папской Польши, что православную церковь в Польше следует уничтожить какими угодно средствами. Ведь он сам предполагал это сделать „в качестве митрополита Галицкого, имеющего право это сделать“, как это видно из его секретной записки 1914 года в случае захвата югозападной Руси Австрией. Почему же он вдруг в 1938-м году спохватился и открыто высказался против погрома православной церкви?

Заговорил он и запротестовал потому, что галицкие униаты, даже самостийники, заволновались, поняв, что началось беспощадное истребление не только православных, но и русского и „украинского“ народа поляками. Шептыцкий сообразил, что дальше ему молчать нельзя без риска лишиться своей галицкой паствы, не только „москвофильской“, но и „украинской“. Получив, без сомнения, на это согласие Рима, он огласил свое послание. Но при этом ему пришлось выгородить римокатолическую церковь и Ватикан, свалив вину на масонов.

В своем послании Шептыцкому пришлось пролить также крокодиловы слезы над „несчастными православными братьями“, которых он даже не назвал шизматиками, как это полагалось. Но шила в мешке не утаишь. Он сожалеет о происшедшем погроме православной церкви, но не потому, что ему действительно больно, как он утверждает, а потому, что этот жестокий погром озлобит православных против Рима и что этим „открывается новая пропасть между Восточной и „Вселенской Церковью“, т. е. между православной церковью и римской, и что этим нанесен „моральный удар“ идее объединения церквей и авторитету „Вселенской“ (т. е. римской) Церкви и „Апостольского Престола“.

Пастьрское послание Шептыцкого имело совершенно неожиданные последствия. Не все верные чада Рима были посвящены в эту римскую игру за кулисами. Пастьрское послание Шептыцкого вызвало бурю негодования во всей католической Польше. Правительство кон-

фисковало самостийную газету „Діло”, в которой оно было напечатано. Почти вся польская печать громила Шептыцкого. Некоторые хорошо осведомленные польские газеты даже раскрыли самую неприятную для Рима тайну. Бысказывая свое удивление и возмущение по поводу пастьрского послания Шептыцкого, они воскликнули: ведь ему должно было быть известно, что все это делалось с ведома и согласия папского нунция в Варшаве.

Так, например, газета „Гонец Варшавски” написала 24 августа 1938-го года:

„Этот вопрос (разрушение храмов) тянется несколько месяцев. Дело было со-

гласовано между польским правительством и польским епископатом, а также с папским нунцием в Варшаве, который был обо всем этом осведомлен. Естественно, о намеченной акции и о соглашении между властями административными и костельными, должен был знать и митрополит Шептыцкий... Шептыцкий, усматривая во всем этом масонское предприятие, стремится парализовать религиозную акцию, совершаемую по соглашению с польским епископатом и с ведома и согласия нунция Кортези, и выступает в защиту украинского движения”.

РОСИНКА

(Легенда)

Посв. Сергею Лифарю

(Из сборника стихотворений Юрия Псковитянина „Сказы”)

В тихой, холмистой, причудливой местности,
выйдя из капель росы,
начала жить никому неизвестная
девушка редкой красоты.

Нежная, стройная, тонкая в поясе,
с бледным прозрачным лицом,
вся перевитая русыми косами
и заплетенная мхом.

Долго красавица спала под ветками
сломанной бурей сосны,
видя вокруг только тьму беспросветную
и непонятные сны.

Виделись ей полосатые лешие,
ведьмы над лысой горой,
снились русалки, поющие песенки,
страшный, как чорт, водяной.

Яркое солнце взошло над красавицей
и пробудило от сна,
все вокруг ней поднималось от радости,
всем улыбалась весна.

Синие птицы летали над озером,
грелось зверье на холмах,
красные ягоды целыми гроздьями
ждали ее на кустах.

Девушка стала глядеться с улыбкою
в зеркале дремлющих вод,
молча любуясь зелеными рыбками
странных, усатых пород.

Стали ей слышаться шумы подземные
и завыванья в лесу,
начали чудиться лешие в зелени,
чорт, расплетавший косу.

Девушка скрылась в пещере покинутой,
ложе украсила мхом,
к выходу камень тяжелый придвинула
и разжилась огоньком.

Бурый медведь сторожил ее логово,
пчелы носили ей мед
и коротала Росинка убогая
ночи и дни без забот.

В самый канун золотистой Русалии
девушка свила венок
и, опоясав гирляндами талию,
вышла на мшистый лужок.

Солнце кружило ей ласково голову, —
все ей казалось под стать —
и не стыдаясь никого, полуголая,
стала Росинка плясать.

Быстрым и легким, как ветер движением
взбилась на старый курган,
и закружившись в немом упоении,
ткнула пятой ... в ятаган.*)

Вскрикнула... вздрогнул курган пробудив-
шийся
— правда ли это, иль миф, —
только из трещин земли расступившейся
поднялся заспанный Скиф.

Очи протер и завыл диким голосом,
впя свой сон наяву,
и, ухватив свою бранку за волосы,
бросил ее на траву.

Девушка хитро, как будто нечаянно,
тронула ржавый клинок
и размахнувшись, в порыве отчаянья,
вбила врагу в левый бок.

Скиф зашатался, ударом поверженный
рухнул ей прямо к ногам...
девушка в страхе склонилась над жертвою,
словно не веря глазам.

Кровь задержала она паутиною,
рану стянула травой,
и обратилась к Перуну всесильному
с жаркой и слезной мольбой.

— Жертву тебе принесу я великую
завтра под дубом святым,
только спаси мче сегодня убитого,
мертвого сделай живым! —

Целую ночь, припадая коленями
и разливаясь в слезах,
ждала Росинка в горячем молении
знамени на небесах.

Внял бог мольбам... Скиф вернулся в сознание,
выпил до тины ручей
и растянулся на свежем постлании,
млея от жарких лучей.

Сердце Росинки забилось восторгами,
тихо будя в ней любовь...
помня-же клятву, Перуну покорная,
верилась воле богов.

В роце собрала вязанку валежника,
туго стянула травой,
хворост взвалила на плечики нежные
и потащила домой.

*) Ятаган — (турецкое слово). Большой кри-
вой турецкий кинжал, отточенный с одной сто-
роны.

Там, у подножия дуба столетнего
сбросила тяжкую кладь, —
небо нахмурилось — ловко и сметливо,
стала огонь разжигать.

Русые косы раскинула веером,
руки сложила крестом
и, прислонившись к священному дереву,
вся замерла над огнем.

Ветер сорвался и тучи запенились...
скиф приподнялся с земли...
пламя метнулось... холмы набекренились...
громы раздались вдали.

Скиф онемел... пламя быстро раздвинулось...
дева взошла на костер...
тысячи искр в небо бешено кинулись...
камни посыпались с гор.

Грянул Перун стоголовою молнией...
тучи налились свинцом...
брызнули воды вспененными волнами...
горы пошли ходуном.

Громы... крошечная тьма... вопли дьявола...
грохот, стенанья и вой,
точно земля в небо грудью ударила,
вызвав Перуна на бой.

Тучи рванулись на землю потоками,
бурно ломая леса...
вспыхнули заревом горы высокие,
пламя зажгло небеса.

**

Солнце блеснуло над лесом восторженно,
радуга взвилась дугой...
распря стихий была небом расторгнута,
пламя — залито водой.

Скиф огляделся вокруг с удивлением —
дуб был расщеплен до пня,
рядом стояла Росинка смиренная,
в саже до пят от огня.

Бросился к ней... возбужденный и радостный,
пал к обнаженным ногам
и, прижимаясь к ним нежно и жалостно,
начал молитву богам.

— Словом клянусь я Перуну великому
выполнить волю богов,
жизнь положить за Росинку единую,
дать ей и пищу и кров...

Землю от обры хранить до последнего,
быть милосердным к врагу,
правдой воспитывать племя наследное,
верой служить очагу! —

Тихо склонилась Росинка над суженым
и, не стыдаясь наготы,
пала в объятия Скифа безумного,
прячась в покров темноты.

**

Юная девушка, Скифом прельщенная,
клятвенный дала обет...
клятву — кровавою жертвой скрепленную —
быдать потомков на свет.

Клятву сдержала... зимою глубокою
сына и дочь родила...
Славом назвала сынка черноокого,
Славою дочь назвала.

Чуткая мать одарила их нежностью,
нравом прямым, красотой,
дикий отец дал им заповедь верности,
стойкость и нрав боевой.

Время текло... дети скоро умножились,
начали землю пахать,
в пуще охотиться, рыбною ловлею
пищу себе добывать.

Чтили они водяного и лешего,
в дань им сжигали столбы,
верили в силу Перуна кромешного
и в предрешенья судьбы.

Девушки вышли в Росинку — красавицы,
юноши — нравом в отца...
пели, плясали „хмелели от здравицы,
все — молодец в молодца.

Стали жениться по вольному выбору,
или суду старшины,
стали селиться родами на выгоду,
ждавшей труда целины.

Так на просторах у озера Ильменя,
В дебрях сосновых лесов
выросло, званное Русью по имени,
племя славянских орлов.

Друскеники. Май 1937 г.

Юрий Псковитянин

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДНОСТЕЙ С. Ш. А.

В 1937-м году были приглашены на совещание к президенту Ф. Рузвельту представители народностей С. Ш. А. Карпатских русских представлял на этой конференции наш культурно-церковный деятель — М. И. Маговец (седьмой по счету слева).

УКРАИНИЗАЦІЯ БУКОВИНИ

Наши читатели уже знают из прошлых статей, что русское население Буковины считало себя русским и не имело никакого понятия о том, что существует какая то украинская нация и что и они должны превратиться в „украинцев” и больше не называть ни себя, ни своего языка русскими. Когда, в конце прошлого столетия, пришлые галичане начали пропагандировать в Буковине идею сепаратизма, они в начале, в течение нескольких десятилетий не смели называть ни себя, ни свой новый „литературный” язык украинским, но называли себя и свой язык русским (через одно „с”). Все русские буковинцы сочли это польской интригой. В этом сознается даже „Українська Енциклопедія”. Во главе этой пропаганды стояли, как наши читатели, вероятно, помнят, два „украинских великана”: профессор черновского университета Стефан Смаль-Стоцкий, человек без какой либо научной квалификации, получивший место профессора на основании письменного обязательства, хранившегося в архиве черновского австрийского губернатора, что он обязуется в случае своего назначения профессором „рутенского” языка, пропагандировать „научную точку зрения”, что рутенский язык - самостоятельный язык, а не наречие русского языка. Только несколько лет после своего назначения он написал при помощи профессора романских языков, Гартнера, мизерную грамматику, заглавие которой было „Руска грамматика”. Впоследствии, незадолго до первой мировой войны, он попал под суд за растрату нескольких миллионов крон, которую он совершил, будучи председателем „Селянской Кассы”. Только мировая война спасла его от тюрьмы. Другим украинским „великаном” в Буковине был Николай фон Вассилко, отец которого был румын, а мать румынская армянка. Николай фон Вассилко не знал ни слова ни по русски, ни по „украински”, но это не мешало ему сделаться вождем буковинской Украины и быть „избранным” в австрийский парламент и буковинский сойм в чисто русском путиловском округе. Вассилко воспитывался в Терезиануме вместе с австрийскими аристократами и членами габсбургской династии. Благодаря этому у него были большие связи. К тому же он был сын богатых родителей. Имение его отца оценивалось в несколько миллионов крон. Он был единственный сын, родители его умерли рано. Когда ему стукнуло двадцать четыре года, он унаследовал имение отца и прокутил его в течение нескольких лет в Вене вместе со своими высокопоставленными приятелями. Оставшись без гроша, он решил заняться полити-

кой. Сперва он предложил услуги своим румынам, но они, зная Вассилка, их не приняли. Затем он предложил свои услуги русскому консулу в Черновцах, обещая за плату в пятьдесят тысяч не то крон, не то рублей, работать в пользу России. Но и там он получил отказ. В конце концов, он решил превратиться в украинца и в конечном итоге он вместе со Смаль-Стоцким составил „дуумвират”, который, по словам украинской энциклопедии, руководил всем украинским движением в Буковине. Как выяснили судебное следствие, Вассилко был тоже причастен к растрате миллионов „Селянской Кассы”. В это дело были замешаны, по словам украинской энциклопедии, тоже „почти все украинские интеллигенты в Буковине”. („Українська Енциклопедія” том III, стр. 678).

В дуумвирате решающее значение имел фон Вассилко вследствие своих связей в высочайших сферах Вены. Что Стоцкий был весьма недоволен своей второстепенной ролью в „дуумвирате”, было общеизвестной тайной. Но он волей-неволей должен был подчиняться.

Итак, как в Галичине, так и в Буковине, во главе украинского движения не были „украинцы”. В Галичине главой был поляк, граф Шептыцкий, а в Буковине — румын фон Вассилко.

Как же случилось, что накануне первой мировой войны уже было много интеллигентов и полуинтеллигентов самостоятельных, хотя их родители все еще называли себя русскими. Вот как это произошло.

В последних десятилетиях прошлого столетия буковинская русская интеллигенция состояла главным образом из православных священников. Униатов в Буковине было очень мало и то только по городам. Но и униаты в то время считали себя русскими. В главном городе, Черновцах, униатская церковь всеми называлась просто русской церковью, а улица, на которой эта церковь находилась, даже официально называлась по немецки Руссше Гассе (официальный язык в Буковине был немецкий). На всех углах этой улицы были надписи на трех языках: Руссше Гассе, Руска улица, Страда Руяска. А на фасаде городского дома красовались три огромных мраморных доски, в ознаменование двадцатипятилетия, сорокалетия, и пятидесятилетия царствования Франца Иосифа. Надписи на таблицах были составлены на немецком, румынском и русском языках. На первых двух таблицах русский текст был составлен на чистом литературном русском языке. Франц Иосиф на них величался „Его Императорское Величество”. Только на третьей

таблице (1898-го года) текст был составлен на украинской мове, и Франц Иосиф из Императорского Величества превратился в „Найяснійшого Пана”.

Я попал в конце прошлого столетия из Инсбрука в Черновцы. Гимназия там была немецкая, так же как и в Инсбруке. Когда в первый день занятий классный наставник читал список учеников, я жадно прислушивался к их фамилиям.

Значительно больше половины учеников были евреи с немецкими фамилиями, говорившие между собою на еврейском жаргоне. Было несколько сыновей немецких колонистов и чиновников, два поляка, а остальные были румыны и русские. По фамилиям не всегда можно было угадать национальность ученика. Оказалось, что Григорович, Литвинюк и Волчинский были румыны, а Тотоеску, Тевтул и Падура — русские. Но были русские и с русскими фамилиями в моем классе: Васильович, Григорий, Клим, Залозецкий. Кроме меня, в гимназии были еще мои два брата, старший Роман и младший Георгий. И у них были среди их товарищей русские. Большинство из них были сыновья крестьян. Было несколько сыновей русских священников и очень мало сыновей русских интеллигентов-мирян. В моем классе кроме меня, только Залозецкий был сын русского интеллигента, врача. С нашими русскими товарищами мы быстро подружались и они часто к нам заходили. Мои родители были очень гостеприимны, и наш дом был всегда открыт для них. Когда они заходили к нам, во время обеда или во время ужина, они всегда обедали или ужинали с нами, а в остальное время на стол всегда ставился большой самовар и было вдоволь белого хлеба, масла, сыра и другой еды. Делалось это у нас безо всякой предвзятой мысли. После чисто немецкого Инсбрука, где во всем городе, да и во всем крае не было кроме нашей семьи ни одного русского человека, нам было всем приятно проводить время с русскими. Но не так на это смотрели австрийские власти. Когда после трех лет нас исключили из гимназии и не только из черновской гимназии, но согласно решению министерства народного просвещения в Вене, из всех среднеучебных заведений Буковины и Галичины, то есть, из тех австрийских провинций, в которых имелось русское население, то в своем постановлении австрийское правительство не постеснялось поставить нам в вину то обстоятельство, что в нашем доме „всегда кипел большой самовар” и что мы кормили наших товарищей очевидно с целью их обработки в „руссофильском” духе. Другое преступление, которое было поставлено нам в вину, было то,

что после смерти православного русского законоучителя Ивановича, по городу были расклеены, по тогдашнему обычаю, посмертные объявления от имени его учеников, которые были составлены на русском литературном языке. Кроме того, мы обвинялись в том, что русские ученики, посещавшие уроки русского языка, которые давались для них два раза в неделю, отказывались писать „фонетикой”, только что введенной, и настаивали на старом правописании. В этом императорско-королевское министерство народного просвещения тоже увидело что то в роде государственной измены.

Мы были принуждены продолжать наше образование частным образом и затем держать ежегодно экзамены в других гимназиях. Но продолжали мы жить в Черновцах, и наше знакомство с бывшими товарищами не прекращалось.

Как я уже упомянул, большинство русских учеников черновской гимназии были сыновья крестьян. Крестьяне эти были чрезвычайно бедны. Их дети, наши товарищи, жили в подвалах или полуподвалах, которые никогда не отапливались, хотя зимы в Буковине были чрезвычайно суровые и долгие. Снег иногда лежал, не тая, около шести месяцев, причем температура понижалась нередко до 30 градусов ниже нуля, по Цельсию. Денег у них не было никаких. Еду им привозили родители не чаще, чем два раза в неделю, а обыкновенно только один раз, и эта еда состояла из холодной мамалыги (кукурузной каши), кислого молока и вареного картофеля. Согреть эту еду было негде. Ее всегда ели холодной.

Обрабатывать этих крестьянских сыновей в „руссофильском духе” было нечего. Все они не только были русские и называли себя русскими, но они все прекрасно сознавали, что это значит. Русская граница была тут же, под боком, от города Черновцов всего только в двадцати километрах, т. е. в 12-ти американских милях. Почти в каждом селе были люди, которые побывали в России на работах или сплавливали лес по Пруту в Россию. О них упоминает даже Максим Горький в одном из своих рассказов. Поэтому все буковинские крестьяне знали, на каком языке говорят в России, не только простонародие, но и представители власти, пограничные стражники и другие государственные служащие, с которыми им приходилось встречаться. Язык этот они, конечно, не называли литературным русским языком, ибо они слова „литературный” не знали, но они считали литературный русский язык настоящим русским языком, выражая эту мысль словами „там говорят твердо по-русски”.

Во всей восьмиклассной гимназии в Чернов-

цах среди русских учеников было только двое, считающих себя не такими русскими, как „москали”. Это были два галичанина: Бачинский и Ярошинский. Бачинский был известен своими доносами на своих русских товарищей, и его все избегали. Ярошинский был сыном народного учителя, который почему-то переселился из Галичины в Буковину и продолжал учительствовать там. Когда я попал в черновскую гимназию, Ярошинский был уже в восьмом классе и скоро исчез с горизонта. Но не лишним будет отметить здесь факт, что когда за несколько лет до этого правительство решило упразднить в школах старое общерусское правописание и заменить его фонетическим, то оно встретило единодушное сопротивление со стороны всех учителей начальных школ. Правительство устроило что-то в роде плебисцита учителей, который дал совершенно неожиданный результат для их начальства. За „фонетику” высказались только два учителя, оба „зайды”, т. е. пришлые галичане. Один из них был Ярошинский. Не взирая на это, было приказано ввести фонетику. Но название языка было оставлено русским (через одно „с”). Однако лет двадцать спустя уже почти все народные учителя были самостийники, как и значительная часть интеллигенции новых поколений. Среди православных священников в конце прошлого столетия был только один единственный самостийник, по фамилии Козарищук.

Итак, среди православных священников все, кроме одного, считали себя русскими, и были сознательными русскими людьми. Лет через двадцать, среди новой генерации духовенства уже было немало самостийников. Случилось это очень просто. Были учреждены на казенный счет „бурсы”, т. е. бесплатные общежития для гимназистов, в которых их воспитывали в самостийно-украинском духе. Затем было приказано православному митрополиту представлять ежегодно список кандидатов, желающих поступить на богословский факультет, губернатору, который вычеркивал всех неблагонадежных, то есть, не желающих отречься от своего русского имени и превратиться в самостийных украинцев. Студенты богословского факультета жили в общежитии в здании митрополии, на всем готовом. Все это делалось за счет православной церкви, которая в Буковине была чрезвычайно богата и не нуждалась и не получала от правительства никаких пособий в то время, как все римокатолическое духовенство, а также и униатское оплачивалось из казенных фондов. Имущество православной церкви состояло из богатейших земельных угодий, но ими управляло австрийское министерство земледелия, которое получало в свои ру-

ки все доходы с этих земель и выдавало православной церкви ежегодно столько, сколько по его усмотрению было необходимо для покрытия нужд церкви. Таким образом в начале этого столетия доступ в православное духовенство был закрыт для русских.

Русскую мирскую интеллигенцию австрийское правительство постепенно превращало в самостийную украинскую через посредство „бурс”, бесплатных общежитий для гимназистов, в которых их воспитывали в самостийно-украинском духе и в ненависти ко всему русскому. В этих общежитиях были сотни гимназистов, в то время как в русских общежитиях, которые содержались на частные средства, были только десятки. При этом русские общежития были, конечно, гораздо беднее казенных.

То же самое происходило и в учительской семинарии с той только разницей, что там русскому ученику делать было нечего, ибо все знали, что русский, не желающий отречься от своей русскости, по окончании семинарии ни в коем случае не получит места учителя.

При всем этом необходимо иметь в виду, как мы уже упомянули, что подавляющее большинство учеников как гимназии, так и учительской семинарии были сыновья крестьян, которым вне общежития приходилось вести полуголодное существование. Казенное общежитие представлялось им настоящим раем. Мне часто приходилось разговаривать с родителями этих бурсаков, воспитываемых в украинском духе. Не раз мне жаловался тот или другой отец, что его сын, возвращаясь летом домой на каникулы, называет его, отца, дураком за то, что тот считает себя русским. „Подумай-те только, что сделали из моего сына в бурсе”, сетовал отец. „Он меня, своего отца, называет дураком и уверяет меня, что мы не русские, а какие-то украинцы”. И когда я спрашивал такого отца, почему он все же посылает своего сына в эту бурсу, он мне отвечал: „Потому, что он там не голодает и не живет в холодном подвале, и еще потому, что он оттуда выйдет в люди и будет паном”. И при этом такой отец утешал себя мыслью, что когда его сын вырастет, он поумнеет, и что вся эта „украинская дурь” вылетит у него из головы. Такие случаи, конечно, бывали, но очень редко, ибо, окончив гимназию, а затем и университет, надо было подумать о дальнейшей карьере, а всякая карьера зависела в той или иной степени от всемогущего императорско-королевского правительства, которое „москвофилам” не только не давало ходу, но и сажало их в тюрьму за государственную измену.

Австрийское правительство не довольствовалось тем, что оно воспитывало в своих бурсах

сотни и тысячи самостийников. Восьмого мая, 1910 года, буковинский губернатор в один и тот же день закрыл все русские общества и организации: русскую бурсу для мальчиков, русскую бурсу для девушек, общество русских студентов „Карпат” и общество русских женщин, которое содержало школу кройки и шитья. При этом правительство конфисковало все имущество организаций, в том числе и библиотеку общества русских студентов. А гимназистки и гимназистки полиция выбросила из общежитий на улицу, не заботясь о том, куда они денутся.

Не будет лишним отметить, что точно так же поступил в Карпатской Руси в 1939-м году украинский монсиньор Волошин, назначенный чехами по приказу Гитлера карпатским диктатором. Воцарившись, он сразу же издал

приказ о закрытии всех русских политических организаций, культурных учреждений, студенческих организаций, спортивных обществ, русского скаута и т. д.

Таким образом русская Буковина была украинизирована насильственно аппаратом, во главе которого стоял румын — Николай фон Василко.

Заслуживает внимания и то, что в соседней Галицкой Руси во главе украинского движения стоял поляк, граф Шептыцкий, который в течение своего сорокалетнего владычества в роли униатского митрополита во Львове сделал больше для украинизации Галицкой Руси, чем все остальные украинские „діячі”, вместе взятые.

А. Геровский

ВЕРА ХРИСТОВА ЖИВА В РУССКОМ НАРОДЕ

Еще до 1929 г. коммунисты уничтожили все церкви в городе Александровске, переименованном ими в Запорожье. Церквей было три: возле южного вокзала, кладбищенская и огромный собор в центре города.

Первая была построена железнодорожниками. Ее коммунисты разобрали до основания, под предлогом, что на том месте, где она стоит, нужно сделать трамвайное кольцо.

Тогда железнодорожники устроили церковь по другую сторону железной дороги, в частном доме. Но и эту коммунисты вынудили закрыть через непосильное обложение налогами, а священника арестовали.

Кладбищенская церковь была построена, как и железнодорожная, задолго до революции. И ее постигла участь первой: была разобрана под благовидным предлогом.

Собор, не поддававшийся разборке, был взорван динамитом, а на его месте разбит сквер.

Единственная церковь поблизости оставалась в городе Никополе. Туда тайком возили крестить детей и ездили венчаться. Тайком собирали деньги у нас в городе и по селам, и коммунисты никак не понимали, откуда церковь берет средства в таком маленьком городке на покрытие все повышаемых налогов...

С приходом немцев верующая часть населения старой части города обратилась к коменданту с просьбой разрешить устроить церковь. Комендант предложил делегации выбрать здание для церкви. Выбор делегации остановился на „Народном Доме”, где был кинематограф. И совершилось настоящее чудо... Вера всегда тво-

рит чудеса... Оказалось, что когда коммунисты уничтожали Собор, то жители спрятали у себя большую часть икон иконостаса, Царские Врата и т. п., под видом использования их, как дерева, на топливо. Все это было почти через 12 лет извлечено из укрытия и принесено в „Народный Дом”. И быстро, как в сказке, была устроена церковь... Появились священники с крестами, камилавками, рясами и облачением... Появились даже хоругви... Сразу организовался хор под управлением хорошего регента.

Пока устраивалась церковь в главном зале, в фойе открыли временную церковь и на третий день там начались богослужения. Начали крестить детей и непрерывно служить панихиды по умершим и замученным коммунистами. Это все были последователи патриарха Тихона, проклявшего советскую власть.

Через две-три недели открылся храм в большом зале... При сооружении его работали все бесплатно: и плотники, и столяры, и слесари, и маляры, и штукатуры, и художники и пр. и пр...

Что потом большевики сделали с церковью, после их возвращения, нам неизвестно.

Екатерина П.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ
НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО”!**

АННУШКА

(Отрывок из готового к печати исторического романа „Карач-мурза“)

Четвертый день уже тройка неказистых лошадей тащит лесными дорогами старый возок, с сидящей в нем одинокой женщиной. Ссутулился, дремлет на облучке холоп-возница, забаякала его летняя марь, — невмочь даже прикрикнуть на лошадей...

Набегают, стелется знакомый путь. Все одно и то же: ползут мимо лохматые зеленые стены, то щедро обрызганные солнцем, то темные и смурые, как осенние тучи; нависают над дорогой цепкие лапы елей, будто хотят выхватить путника из возка и навсегда укрыть его от людей и от солнца в черной гущине; пролепечет что-то вдогонку печальная осина, — хотя ветра и нет, а всегда, будто в предсмертном страхе, тихо трепещет ее листва; темными громадами толпятся по обочинам неохватные стволы сосен, да кое-где, словно напуганная девушка, выбежит из чащи березка и встанет у самой дороги, будто молит проезжего защитить ее от злых лесных великанов...

Все одно и то же, родное и грустное... Заросла лесами святая Русь, нет им ни конца, ни краю! Но вот расступилась слева древесная рать, потеснилась, — дала место гречишному полю; за ним золотое жниво убранный ржи, а там снова лес и под ним деревенька. Это Байково. Еще верст десять и дома! Сын уже давно ускакал вперед, — скучно ему плестись рядом с возком, — теперь уж, поди, в Кашаевке. Зашевелился и возница, обругал нерадивую пристяжную, вытянул ее кнутом.

Тоскливо на сердце у Анны Матвеевны. Вот похоронила отца, мать тоже совсем плоха, а там, глядишь и ее черед... Да не больно и жалко, — жизнь прожита и не так она сложилась, как душа ждала. Истинного-то счастья был короткий миг, а слез сколько!

Откинувшись на спинку повозки и закрыв глаза, она унеслась мыслями в далекое прошлое, стараясь воскресить его в памяти год за годом.

Семнадцати лет выдали родители синеглазую певунью Аннушку за боярского сына¹⁾ Данилу Кашаева, годившегося ей в отца. Не любила Кашаева, годившегося ей в отца. Не любила его Аннушка, до венца всего раз-то и видела. Но добр и ласков оказался Данила, — только было начала привыкать к нему, как сникла навеки его удалая головушка под татарскими саблями. А потом пришел он, ее светлый княжич, и словно бы солнце немеркнувшее зажег над серою равниной ее вдовьей жизни.

Счастье пришло такое, что, казалось, его не вместить, но и тогда уже чуяло Аннушкино сердце, что недолгим будет оно. Не бывать серой утице женою гордого лебедя...

Минул год, княжич стал государем-князем, подыскали ему невесту — княжну. Но не спешил он со сватовством, крепко любил свою Аннушку! И кто знает, как бы дальше-то все сложилось, ежели бы не грянул гром: все потерял князь Василий злою волею татарского хана, только и успел прискакать проститься, прежде чем бежать в чужие края... В тот день догорело Аннушкино счастье в пламени его последних ласк.

Уехал любимый и как в воду канул, так и не узнал никогда, что оставил здесь дочь... Если бы не это, едва-ли и она, Аннушка, долго бы прожила, — одолела бы ее злая тоска. Но понявши, что скоро станет матерью, вновь обрела она волю к жизни и когда, девять месяцев спусти, родилась Ирина, — в ней как бы воскрес для нее навеки потерянный образ князя Василия.

Потекли дни, полные тихой грустью и радостями материнства. Аннушка никуда не показывалась и о рождении девочки за пределами лесной усадьбы не знал никто. О том, что будет дальше, она боялась думать, но втайне надеялась, что возвратится, либо подаст о себе весть Василий Пантелеевич, — тогда все и решится, а пока лишь надобно, чтобы случившееся не стало достоянием людской молвы.

Но минуло еще два года, а желанных вестей все не было. Стали уже кругом поговаривать, что сгиб, должно-быть, князь Василий на чужбине, только не верила Аннушка этим слухам. И не ошиблась: услышав однажды за воротами конский топот, выглянула она в окно и света не взвидела: у крыльца слезал с коня княжий стремянный Никита Толбугин, вместе с ним уехавший. Хотела Аннушка выбежать навстречу, да ноги сделались такие, ровно бы кто из них кости вынул... Что-то она сейчас услышит?

Никита вошел, помолился на образа и едва глянул вниз, сразу увидел игривую на полу двухлетнюю Аришу. Хоть и была девочка светленькой, но лицом походила на отца и Никита без слов все понял. Да от него и скрываться-то не было нужды, — все равно, что брат!

Обсказав Аннушке вкратке, что жив-здоров князь Василий и что ныне гостует он за Каменным Поясом у белоордынского хана, который

их принял ласково, — примолк Никита. Все поглядывал на Аришу и, видать, думал — как лучше сказать то, что еще не было сказано. Наконец, решился:

— Вот что, Анна Матвеевна... Знаю, причину тебе боль, но правду ты знать должна, особливо теперь, — сказал он, кивнув головой в сторону девочки. — Оженился Василей Пантелеич.

— На ком же? — не сразу пролепетала Аннушка, едва удерживая слезы. Всегда знала она, что этим и должно кончиться, но все же удар был жесток. Никита это понял и чтобы смягчить его, почел возможным даже слегка покривить душой, чего бы в ином случае себе не позволил.

— На ордынской царевне, на братаничн²⁾ великого хана Мубарека. Тут, вишь, не столько любовь, сколько надобность. Сама разумеешь, сколь важно ему было породниться с татарскими ханами, дабы воротить свое княжение. И теперь он на это крепко надеется. Вестимо, коли знал бы он про нее, — снова кивнул Никита на Аришу, — может и по иному бы поступил. Но кто мог знать-то? А теперь уже дело сделано и в обрат не повернешь.

И дивное дело: Аннушке сразу стало легче. Хоть и потерян был для нее князь Василий, а мысль, что женился он не по влечению сердца а по горькой нужде, примиряла ее со случившимся. Она нашла в себе силы довольно спокойно расспросить Никиту обо всем, что было с ними после отъезда из Карачева, и они беседовали более часа. Наконец, гость сказал, что ему пора, но прежде чем уехать, спросил:

— Ну, а ты, Анна Матвеевна, что мыслишь дальше-то делать?

— Не знаю, Никита Гаврилович, — с тоскою ответила Аннушка. — Что же делать-то остается? Буду доживать свой вдовий век...

— Это ты зря. Теперь ты не о себе, а вот о ней должна думать, — промолвил Никита, целуя девочку. лавно уже сидевшую у него на коленях. — Нешто возможно обречь ее на людское злословие? Да и ей самой, коли уж так все сложилось, лучше бы не знать, кто ее настоящий отец... Налобно тебе выйти замуж.

— Что ты, Никита Гаврилович, нешто я теперь смогу...

— Коли любишь ее, так сможешь, — строго сказал Никита. — Перемоги себя, для нее это сделай! Ужелипустишь, чтобы дочь князя Василея люди называли байстрючкой?

— Ой, Господи! со стоном вырвалось у Аннушки.

— Вот о том я и говорю: и помыслить такого нельзя. А выйдешь замуж и все дело крыто.

— Да кто меня возьмет-то теперь?

— Возьмут, только захоти. Ты еще вон какая красавица! И знаю я хорошего человека, который издавна по тебе томился, только, вестимо, не казал виду, ибо не хотел встравать промеж тобою и князем. Теперь я ему шепну, будто ненароком, что оженился Василей Пантелеевич на другой, и голову готов положить на плаху, коли он вскорости к тебе не посватается. И ты согласишься. Еще раз говорю, — человек он достойный, и тема ничем не попрекнет, а ей будет добрым отцом, ибо любит князя Василея, как и мы с тобою его любим.

— А Василей Пантелеич ... — начала было Аннушка, но слезы помешали ей говорить.

— Василею Пантелеичу я покуда ни о чем не скажу, окромя того, что жива ты и здорова, — поняв ее, промолвил Никита. — Зачем понапрасну душу ему бередить, ему и так не сладко... Ну, прощай, Анна Матвеевна, да хранит тебя и дочку твою Господь, и коли будет на то Его святая воля, — еще свидимся.

С тем Никита уехал, а вскорости и впрямь наведался к Аннушке сын боярский Махайла Софонов, которого она и прежде знала. Не прошло и трех месяцев, как они поженились и Ирина выросла в полной уверенности, как и все вокруг, что она родная дочь Михайлы Андреевича.

М. Каратеев

¹⁾ Дети боярскими на Руси называли тогда служилых дворян.

²⁾ Братанична, — племянница, дочь брата.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

„Свободное Слово“ — независимый печатный орган — существует исключительно на средства, получаемые в виде подписной платы и пожертвований. От каких бы то ни было фондов мы не получаем средств и никогда не будем получать (и не желаем этого), так как „фонды“ созданы не для поддержки и распространения истинно-русского миропонимания.

Русские люди, от вашей жертвенности, помощи в распространении журнала и приобретении новых подписчиков зависит судьба „Свободного Слова“!

Редакция

ЗАПИСКА ЛЬВОВСКОГО УНИАТСКОГО МИТРОПОЛИТА ГРАФА А. ШЕПТЫЦКОГО

(Продолжение)

В прошлом номере мы напечатали меморандум графа Шептыцкого австрийскому правительству о необходимости отторжения всего югозападного края от России и присоединения его к Австрии, а также и отторжения тамошней русской православной церкви от Москвы, изгнания всех православных епископов, нежелающих принять унии с Римом и нежелающих объявить себя „украинцами” и молиться за его величество австрийского императора.

Как наши читатели наверно помнят, мы перепечатали этот меморандум из газеты В. Л. Бурцева „Общее Дело” от 29 сентября 1917 года. От себя мы в том же номере упомянули также о том, каким образом копия этого меморандума попала в руки русских властей. После взятия перемышльской крепости в марте 1915 года, один из служителей Шептыцкого, решивший, что Австрия больше не вернется, сообщил русским военным властям во Львове, где замурован его архив. Таким образом был найден напечатанный нами документ среди многих других крайне интересных бумаг, часть которых была тогда же опубликована в русской печати. Сам граф Шептыцкий в то время был уже выслан в Курск после того, как он, давши слово не заниматься больше политикой во время войны, произнес во Львове проповедь, в которой он предупредил свою паству, что „к нам пришли чужие люди. Вам может показаться, что это ваши братья, но это — волки в овечьей шкуре”.

После революции Временное Правительство освободило Шептыцкого, считая, согласно установленному у тогдашних российских либералов трафарету, что все то, что было сделано царским правительством, неправильно или просто вредно. Шептыцкий затем разъезжал по всей России, навещая своих „друзей” и восстанавливая сеть своих агентов. Осенью 1917-го года он приехал в Петроград, где „либералы” встретили его с выражением симпатий как жертву царского режима, и даже устроили банкет в его честь.

Это так возмутило В. Л. Бурцева, отнюдь не приверженца царя, что он в своей газете „Общее Дело” опубликовал вышеприведенный документ из архива Шептыцкого, прибавив к нему следующий комментарий:

Австрийский украинец, граф Шептыцкий, ясно и недвусмысленно призывает к полному отделению от России Украины

русской и к отделению ее от русского народа путем обращения в унию.

Цинически откровенно Шептыцкий обещает „установить все то, что было бы согласным с основами Восточной церкви, традициями митрополии и было бы одобрено военной администрацией”

И тогда „церковь, как организм, как неделимое целое будет отторгнута от русской”.

По мнению Шептыцкого, кощунственно ясно выраженному, — эти меры „одобряют восточные патриархи, оплаченные правительством”.

Епископы должны быть заменены „исповедующими украинские и австрийские убеждения”.

И этого человека чествовала у нас кучка крайних федералистов, выдающая свои мечтания за волю всех народов России! И этого наследника австрийских средневековых униатских замыслов наша твердая и полномочная власть допускала проповедывать свои идеалы публично, перед отъездом из русского плена!

Завтра мы дадим место статье Дебагория Мокриевича, посвященной планам Шептыцкого.

Редакция.

У нас, к сожалению, нет следующего номера „Общего Дела” со статьей Мокриевича. Но и вышеприведенной статьи вполне достаточно для того, чтобы понять, кто такой был „галицкий митрополит” Шептыцкий: не митрополит и не „украинец”, а польский граф, агент Рима, австрийского правительства и поляков, мечтавших о воссоздании великой Польши „от моржа до моржа” (от Балтийского до Черного моря) путем отторжения от России всей югозападной Руси.

А. Геровский

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

В США, Канаде и Австралии 3 доллара в год. Во всех государствах Южной Америки 1.00 дол. в год. Во всей Западной Европе и остальном мире 1.50 дол. в год. — Подписку направлять в редакцию журнала:

„FREE WORD”, P. O. Box 992, Newark 1,
New Jersey, U. S. A.

ПАПСКИЕ ЗВЕРСТВА НАД ПРАВОСЛАВНЫМИ

(Продолжение)

В „Независимой Державе Хорватской” четырех православных епископов просто убили, предварительно подвергнув их ужасным мучениям. Это были: митрополит загребский Доситей, бывший раньше делегатом сербского патриарха в Карпатской Руси, митрополит сараевский Петр, горне-карловский епископ Сава, и епископ банялужский Платон.

Об этом почти никто ничего не знает. Спросите любого из ваших знакомых, православных. В большинстве случаев вам ответят, что они об этом слышат впервые. И, конечно, никто не сможет назвать вам имени хоть одного из епископов, умученных так недавно слугами Рима.

Папский Рим готов повторить в любое время все те гонения, все те зверства, которым подвергалась правосл. Церковь в Польше, в Карпатской Руси (Чехословакии) и в „Независимой Державе Хорватской”, как только представится удобный случай, то есть, как только Рим будет считать, что в виду сложившейся международной обстановки можно опять безнаказанно громить православных. Эта угроза нависла над всеми православными народами, не только над нами, русскими, но и над сербами, румынами, греками, сирийцами.

Что же нам следует сделать для того, чтобы предотвратить эту опасность?

Мы сами, своими руками, своими собственными силами защитить наших единоверцев в Европе не можем. Нам нужна помощь. Эту помощь нам может оказать только Америка. Но американцы ничего не знают о том, что произошло с православной Церковью в некоммунистической католической Польше, в некоммунистической католической Чехословакии и в некоммунистической католической „Независимой Державе Хорватской”. Дабы обезопасить православных в Европе в критический момент помощь Америки против повторения папских зверств в случае новой войны, необходимо ознакомить американское общественное мнение с ужасающими гонениями, которым православная Церковь была подвержена в течении двадцати пяти лет (1919-1945) в католических некоммунистических странах восточной Европы.

Но для этого прежде всего мы сами, русские, должны ознакомиться со всеми фактами, относящимися к этим гонениям, ничуть не уступая по своей жестокости средневековой инквизиции и гитлеровским зверствам. И мы должны постараться о том, чтобы все русские в

Соединенных Штатах знали, как в Европе пострадали наши единокровные братья, наши единоверцы, русские и сербы, от папского Рима.

Мы должны распространять эти сведения путем частных разговоров, через посредство лекций и статьями в газетах и журналах. В особенности важно, чтобы приходские священники рассказывали своей пастве о том, как страдали наши братья в „старом крае” за веру. Необходимо, чтобы ежегодно в определенный день одновременно по всей Америке, во всех православных храмах служились заупокойные литургии с соответствующими проповедями по замученным православным братьям.

Евреи не забывают о своих соплеменниках, замученных Гитлером. А что мы? Мы будем продолжать молчать? И мы не ударим палец о палец для того, чтобы предотвратить опасность нового погрома, нависшую над православными в восточной Европе в случае новой войны? Разве это не позор?

Из писем читателей

„...Журнал Ваш и движение в защиту православия может иметь успех и будет иметь успех **ЛИШЬ** в **ТОМ СЛУЧАЕ**, если вы останетесь **БЕРНЫ** позиции **ПОЛНОЙ** независимости от организаций и сил, в зависимость от которых уже успели впасть как общественные наши многие объединения, так и некоторые образования церковные, в чем и следует искать причину существующих в православно-русской семье несогласий, расхождений и расколов.

Бог в помощь!

Протоиерей Митрофан Зноско.

Производится **ПОДПИСКА** и **РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА** журнала „**СВОБОДНОЕ СЛОВО**” **Карпатской Руси**”

в русском магазине:

THE BOOK HOUSE

304 State Street, Bridgeport 3, Conn.
в котором всегда можно получить новинки русских книг и книги-уникум, по разным отраслям знания.

ПАПСКАЯ НЕПОГРЕШИМОСТЬ И СВ. ФИЛОМЕНА

Несколько недель тому назад в американских газетах появилась телеграмма о том, что нынешней папа, Иоанн XXIII лишил святости святую Филомену, в честь которой было построено в одних Соединенных Штатах больше ста храмов.

По иронии судьбы случилось, что Бостонский кардинал Кушинг слишком поздно узнал об этом событии. В его епархии, в г. Довере, была закончена постройкой церковь, посвященная св. Филомене, и кардинал собрался в путь, дабы освятить этот храм. Сидя в своем автомобиле и просматривая пачку газет, полученных им в этот день, он к большому своему ужасу узнал, что святая Филомена вычеркнута папой из списка святых. Приехав в Довер, он стал освящать церковь и к превеликому удивлению присутствовавших католиков провозгласил, что она посвящается „драгоценной крови Иисуса Христа”. Собравшиеся верующие только впоследствии узнали, в чем дело. Это событие смутило всех. А растерявшийся кардинал после богослужения в разговоре с журналистами сказал: „Теперь еще не хватает, чтоб объявить ирландцам, что не было святого Патрика”.

Лишение святости Филомены задело сотни тысяч американцев, в том числе прихожан более ста приходов, церкви которых были посвящены св. Филомене, и бесчисленные тысячи американских женщин, крещенных этим именем. По сообщениям американских газет в школах издеваются над ученицами-Филоменами, которых теперь окликают: „Эй, ты безымянная!” В Гринсбурге, в Пеннсилвании, одна католичка, прочитав ее официальную биографию и узнав о великих чудесах, которые творила эта святая в Италии, посвятила всю свою жизнь ее величанию, приняла монашество, и в течении сорока пяти лет собирала деньги на постройку небольшого храма, посвященного этой святой и недавно выстроенном в Гринсбурге. Как она сообщила интервьюирующим ее

журналистам, она плакала весь день, узнав о решении папы.

Еще хуже обстоит дело в Италии, где посвященных св. Филомене церковей гораздо больше. В одной из них, в Муняно, близ Неаполя, почитают мощи Филомены, которые не взирая на свою псевдо-святость, творили великие чудеса, привлекавшие бесчисленные тысячи паломников со всех концов Италии.

Не безинтересно отметить факт, что папа Пий IX, провозгласивший папскую непогрешимость в вопросах веры, объявил день 11 августа днем св. Филомены, в который должны быть отслужены миссы в ее честь.

Ввиду всех этих фактов, невольно возникает вопрос: что случилось с папской непогрешимостью? Кто же тут ошибся — Пий IX или Иоанн XXIII?

И еще один вопрос уместен здесь. Решится ли папа Иоанн XXIII объявить, наконец, своим верным чадам, что чешский национальный святой, Иоанн Непомук, не только никогда не был святым, но вообще никогда не существовал. Этот факт уже давно установлен и не подлежит никакому спору. Но все же до сих пор имя Яна Непомука не вычеркнуто из списка святых. На Карловом мосту в Праге все еще красуется его статуя, к которой в определенный день в каждом году стекаются вместе со своими священниками десятки тысяч чешских католиков, в особенности женщин, стоящих перед его статуей на коленях по целым часам и совершенно прекращающих всякое движение на этой главной артерии города Праги.

На такой шаг папа едва ли решится. Ибо Ян Непомук был придуман для того, чтобы вытравить в памяти чехов имя Яна Гуса, заживо сожженного за правду папскими слугами на соборе в Констанце, на который он был приглашен с гарантией неприкосновенности.

Заказывайте в редакции „Свободного Слова” книгу галицко-русского мифолога И. Тереха

„СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ”

Эта книга в художественной стихотворной форме рисует создание языческими славянскими богами Русских гор — Карпат.

Цена книги с пересылкой 1.20 дол. Осталось немного экземпляров.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Чтобы „Свободное Слово” стало настоящим полноценным русским православным журналом, его тираж должен расти — дайте ему новых подписчиков!

Присылайте адреса русских людей, которым мы вышлем пробные номера для ознакомления.

ПРЕЗИДЕНТ Д. КЕННЕДИ, ЛЕВ ДОБРЯНСКИЙ И ...КАРЛ МАРКС

В украинской — католической, как она себя именует, газете „Америка”, от 21 апреля с. г., была помещена телеграмма председателя Украинского Конгрессового Комитета профессора Л. Добрянского следующего содержания (перевод с украинского):

„Дорогой Господин Президент! Мы выражаем Вам сердечное признание за Вашу ноту Хрущеву по поводу освободительной борьбы на Кубе. Нота эта является выражением непосредственной и твердой решимости для революционных освободительных сил, где-бы они не находились. Эта нота может глубоко взволновать сердца и умы всех американцев. Заключительная ее часть — мысль о революции тех, которые решили стать свободными, касается каждой поработанной нации, включая и те нации, которые имеют стратегическое значение в Советском Союзе.

„К. Маркс сказал когда-то: „существует только один способ действий против России, против ее дипломатии блефов и обмана — это путь неустрашимости”. Ваша знаменательная нота отражает именно этот путь. С величайшим уважением и наилучшими пожеланиями. —

Лев Добрянский,

председатель национального комитета поработанных наций и Украинского Конгрессового Комитета”.

Речь идет о ноте, посланной от имени правительства США президентом Д. Кеннеди в ответ на ноту с угрозами Хрущева.

Ответа президента на телеграмму Добрянского в украинских газетах обнаружить не удалось.

Но, вот, 27 апреля с. г. Президент, выступая на съезде издателей и сотрудников американских газет в Валдорф-Астория перед 1.700 присутствующих сказал, между прочим, следующее:

„В 1851 г., когда „Нью Йорк Трибюн” издавал отец современного американского газетного дела Г. Грили, лондонским корреспондентом газеты был не пользующийся известностью газетный работник по имени Карл Маркс. Журналист этот страдал хроническим безденежьем, пребывая в сильной нужде — ему не хватало даже на пропитание себя и семьи, и он упорно старался о повышении своего гонорара за корреспонденции в „Трибюн”, за которые он получал по 5 несчастных долларов за

каждую, т. е. такую плату, которую он сам, равно, как и Энгельс, двое неблагодарных, определяли названием — „завишленного мелкобуржуазного обмана”.

Когда все его старания не дали результатов, Маркс в поисках заработка и, очевидно, желая прославиться — порвал в конце концов с „Трибюн” и посвятил все свое время и таланты тому делу, которое в результате принесло миру зерна ленинизма, сталинизма, революций и холодной войны.”

„Если-бы в те времена капиталистические газеты отнеслись к Марксу милостивее, и он остался бы на положении заграничного корреспондента „Трибюн”, — история могла-бы получить иной оборот. Я, думаю, продолжал президент, что издатели американских газет делают из этой маленькой лекции по истории нужные выводы, когда встретятся с требованиями обедневшего, не пользующегося известностью, журналиста о повышении ему вознаграждения на расходы по представительству”. (Смех присутствующих и аплодисменты).

Это место из речи президента может служить его ответом профессору Добрянскому, много потрудившемуся для издания пресловутого закона о поработанных нациях, среди которых фигурируют „Идель-Урал” и „Казакия”.

Как „политиканствующий провинциал” Добрянский, очевидно, не учел времени и обстановки, посылая свою телеграмму. Ему, получившему в 1959 году звание полковника резерва американской армии, едва-ли удобно было ссылаться на авторитет Карла Маркса в области дипломатии. Сам Маркс, его последователи и его учение популярностью в США не пользуются, и ссылка на высказывания этого творца „религии ненависти” была явно неудачной.

В. Т.

ПРОДАЕТСЯ

Новый полный „ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ” (в четырех томах) Владимира Даля. — Цена 15 долларов. С заказом обращаться в редакцию „Свободного Слова”.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, ДОРОГИЕ БРАТЯ ИЗ КАРПАТСКОЙ РУСИ!

Дай Господь Вам Светлого Праздника, Великодня, в радости и мире, в изобилии и благодати, в любви братской и христианской, в памяти Криван-Горы, православной твердыни, в воспоминании родных хат, лесов и ручьев, полей и сел Ваших, в надежде освобождения Руси-Славии от Идолища Поганого, яково есть Марксово наваждение! Дай Бог Вам любви и кротости друг к другу, воли и храбрости к врагам, СИЛЫ ТВЕРДОСТИ ИСПОВЕДАНИЯ И ЛЮБВИ К РОДНОМУ ПРОШЛОМУ. Да не поколеблется никто из Вас, ибо Вы — ИЗБРАННОЕ ПЛЕМЯ СРЕДИ РУССОВ, которое одно несет знамя Руси Святой, и кому все идет наперекор. Но нет такой силы, чтобы КРИВАН-ГОРУ СВЯТУЮ, ОТКУДА И СВЯТОГОР БОГАТЫРЬ ПРИШЕЛ, одолела! Помните, сказал Святослав Хоробрый: „НАС МАЛО, НО МЫ СЛАВЯНЕ!“ Побеждает тот, кто крепко стоит, и кто не дрожит, не боится, но надеется на БОГА и на СИЛЫ, которые БОГ дает.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ, БРАТЯ МАЛОГО КУСОЧКА РУСИ, СОХРАНИВШИЕ ВЕРНОСТЬ ЕЙ, МАТЕРИ НАШЕЙ, ТЫСЯЧУ ЛЕТ! ПОДЛИННО, НЕТ ТАКОГО ПРИМЕРА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА! ГОРДИТЕСЬ ВАШЕЙ ЛЮБОВЬЮ! СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ ОБНИМАЮ КАЖДОГО ИЗ ВАС — МАЛОГО И СТАРОГО, БРАТА, СЕСТРУ, ОТЦА И

БАБУШКУ, ЦЕЛЮЮ ВАС И ЗАКЛИНАЮ, БУДЬТЕ ТВЕРДЫМИ! От малого тутового зерна вырастает огромное дерево. От ВАС РУСЬ ВЫРОСТЕТ И ВСТАНЕТ, МОГУЧАЯ, СИЛЬНАЯ, ЗАЩИТНИЦА СЛАБЫХ И СИРЫХ.

ВЕРЬТЕ, НАДЕЙТЕСЬ, МОЛИТЕСЬ, ЛЮБИТЕ КРЕПКО ДРУГ ДРУГА!

Я помню запах Карпатских гор: чуть пахло кисловатым дубом, березой, смолой от елей и сосен, чебрецом, как будто яблоком, ванилью и чуть-чуть фиалкой. Вдохнешь раз, и еще хочется, и еще... Горный туман синее, внизу белееют хатки крестьянские, краснеет чья-то черепичная крыша, и церковка притулилась, как старушка, немного набок. Смотришь, не насмотришься!

Карпаты, древне-славянские Хорьпы, ХОРЬПЫ-ХОРОП — василек, и Народ Василька, скромного цветка, растущего в хлебе, голубого цветка, цвета благородства и духовно-нравственной чистоты, древние Карпяне-Хорьпы, близки моей душе, ибо они прямы духом, чисты сердцем и полны любви к Руси, которой никогда (за тысячу лет) не видели!

Как мне не умиляться, не думать о них с любовью?

Ю. П. Миролюбов

редактор журнала „Жар Птица“

ОКРУЖНОЕ ПАТРИАРШЕЕ И СИНОДАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

(Продолжение)

15. Божественные отцы, уважая епископа Рима, как епископа главного в империи города, признали за ним преимущества чести пред всеми прочими епископами, но при этом смотрели на него просто как на первого между ними епископа, т. е. первого между равными. Эти преимущества впоследствии усвоены были и епископу Константинополя, когда этот город сделался столицей римского государства, как свидетельствует об этом 28 правило четвертого вселенского халкидонского собора: „тоже самое постановляем и определяем о преимуществах святейшие церкви тожде Константинополя, нового Рима. Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества, поели-

ку то был царствующий град. Следуя тому-же побуждению и сто пятьдесят боголюбознейшие епископы предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима“. Из этого правила ясно, что епископ Рима равен с епископом константинопольской церкви и с епископами прочих церквей, но ни в одном правиле и ни у кого из отцов нет ни малейшего намека, что римский папа есть единый глава всей церкви, непогрешимый судия епископов других независимых и автокефальных церквей, преемник апостола Петра и наместник Христа на земле.

(Продолжение следует)

AFTER CUBA — THE UKRAINE?

The ill-fated Cuban adventure could entail some favorable consequences of the investigation of the favorable consequences if the investigation of the partments and agencies which prepare similar "uprisings" in eastern Europe and especially in the Ukraine.

The mistake made in Cuba was extremely annoying. It hurt the American prestige everywhere abroad. In itself it was not dangerous. But a similar "mistake" in the European east will be fraught with serious danger.

Such a danger already exists. This is evident from the law about the "Captive Nations" (Public Law 86-90). Its initiators were two professors of two Jesuit universities, Leo Dobriansky and Edward O'Connor who succeeded in persuading Congress that Soviet communism was something inherently Russian and that there was an independent "Kazakia" and an independent "Idel-Ural", which were deprived of their freedom by Russian communism, and such like. "Kazakia" and "Idel-Ural" never existed.

Below we are giving an English translation of a memorandum addressed to the Austrian government in the beginning of the first world war. The author, count Szeptycki, was a Roman Catholic, a Jesuit, a Pole, who had been appointed by the Vatican and the Austrian emperor metropolitan of the Uniate Church in Austrian Galicia for the purpose of "Ukrainizing" its Russian population.

As can be seen from the memorandum, count Szeptycki assured the Austrian government that the population of southern Russia, the "Ukrainians", would rise against Russia as soon as the Austrian army entered their territory. But nobody revolted against Russia even after the Germans and the Austrians had occupied all of the Ukraine.

Austria and Germany believed Szeptycki and his like. It seems that some people in the Department of State and in the Pentagon believe Mr. Dobriansky and Co.

Caveant consules!

MEMORANDUM OF COUNT ANDREW SZEPTYCKI

UNIATE METROPOLITAN OF LVOV (LEMBERG)

As soon as the victorious Austrian army enters the territory of Russian Ukraine, there will be a threefold problem for us to solve, the military, juridical and ecclesiastical organization of the country. The solution of these problems should, at least in part, precede any form of peace conference whatsoever, not only in order to expedite the activities of our army and the anticipated rising of the Ukrainians as well as the regulative control of that rising, but also for the purpose of detaching these regions as completely as possible from Russia and giving them the character of a national territory, congenial to its inhabitants, independent from Russia and foreign to the domination of the Tsars.

With this aim in view, it will be necessary to make use of all the traditions of the Ukraine, which Russia suppressed, and to implant them so firmly in the consciousness of the nation that no political combination can destroy victory.

1. Military Organization.

This organization should be based on the traditions of the Zaporogian Cossacks. One must bear in mind that these traditions are still living in the Ukraine and have a local, national character. The Russian Don Cossacks, who are considered to be a specifically Russian phenomenon, are a distortion of those traditions. The Russian Don Cossacks have preserved nothing except the name of the Ukrainian Cossacks. None the less the name "Cossack" survives in national sentiment as a synonym for bygone national heroes. The most outstanding commander of our army could, therefore, after some victory, be appointed, by command of our Emperor, Hetman of the Ukraine. Holding the rank of Feldzeugmeister, he could, in conformity with the hierarchical framework of our military administration, be granted a certain autonomy, so that in the supreme command of the armies entrusted to him, he would be em-

powered to form cadres, in which the Ukrainian insurrectionists could be appropriately incorporated.

A national character must be expressed in the naming of officers: ataman, esaul, sotnik, as well as in their uniforms and, as far as possible, in the language of the military command. The Hetman would have to be empowered to issue "universals", that is to say, manifestoes and proclamations to the army and the people, to appoint atamans, esauls, and so on.

He could have at his disposal the services of an expert in Cossack history, who would edit all written material and could help him with advise. A military organization on these lines could easily be extended to the whole country. It would promote the movement we are considering and regulate its course.

II. Juridical Organization.

We should not in the heat of the struggle omit to pay attention to this aspect of organization, so as to show the inhabitants clearly and firmly how unjust and burdensome the Russian legal system has been to them in many respects.

Apart from proclaiming the freedom of the individual, religious tolerance in regard to all creeds and similar fundamentals, it would be necessary to publish the Austrian civil code translated into the Ukrainian language, which translation should be declared definitive. The same would apply to other Austrian laws. A commission of Austrian and Russian (Ukrainian) jurists could prepare a similar brief work of codification.

One should take into consideration first those spheres of social and juridical life, in which the Ukrainian population feels itself to be most victimised.

III. Church organization.

This organization should work toward the same end: to separate as completely as possible the Ukrainian Church from the Russian.

Leaving aside doctrine, the sphere of dogma, it would be necessary to issue a series of church ordinances, for example: the Ukrainian Church would be exempt from the authority of the St. Petersburg Synod, prayers for the Tsar would be forbidden, prayers for His Majesty prescribed. In accord with this, Great-Russian-Muscovite saints should be eliminated from the calendar, and so on.

All these decrees must procede from the spiritual, rather than from the civil or military authorities, so that in this way a complete breach would be made with the Russian system. The establishment of a synod corresponding to that of St. Petersburg would

clearly be inappropriate. All these decrees could, in the name of the "Metropolitan of Galicia and all Ukraine", introduce all such measures as would be in harmony with the fundamental principles of the eastern Church, with the traditions of the metropolitan see and as are approved by the military administration.

I would, as Metropolitan, be able to do this, since in accordance with the enactments of the eastern Church and the traditions of my predecessors, I have the right, approved by Rome, to use my authority in all these spheres. If my outline plan is approved, — and it certainly will be, — there will be created in the Ukraine a central seat of spiritual authority and a Church as an organism representing an indivisible whole. It will be entirely divorced from the Russian church.

A certain part of the bishops, natives of Great Russia, and also those who will not submit to these arrangements, can be immediately removed and replaced by others, who avow Ukrainian and Austrian convictions.

Rome would subsequently agree with these ordinances and appointments. The eastern patriarchs, who would be paid by the government, would also approve them.

Preserving for the people everything that could be dear to them with regard to the rite and the customs, raising the level of the clergy, freeing them from the heavy yoke of the synod and the consistory, from which it endures so much, and converting the clergy from its police and political activities to a purely ecclesiastical and Christian sphere, one could be assured of universal compliance.

In this way the unity of the Ukrainian Church will be preserved or created and its separation from the Russian Church will be firmly and fundamentally established. The canonical provisions for such a method of procedure are acceptable from the Catholic point of view, and from the point of view of eastern orthodoxy — they are legal, logical and require no explanation.

I could get all this confirmed in Rome, or, to be more accurate, I already have to a large extent completed the preliminaries. The orthodoxy of the church would not be damaged. It must be preserved in its entirety. It would only be necessary to purify it in radical fashion from Moscow influences.

(Signed) *Andrew Szeptycki*
Lemberg, August 15, 1914.

НАДО ПОМОЧЬ

Русские люди!

К вам обращается за помощью русский поэт и писатель — Александр Ефимович Котомкин. Он хочет издать „Юбилейный сборник песен”. К его двум юбилеям: 75-летию со дня рождения и 50-летию со дня выхода в свет его сборника стихотворений, изданных Августейшим Поэтом К. Р. — Великим Князем Константином Константиновичем, в 1910-м году в Санкт-Петербурге, в типографии литературно-общественного журнала „Нива”.

Русские люди, поможем престарелому русскому поэту, писателю, гуслеару-складателю, каждое слово в песнях которого говорит о всепоглощающей любви к Русской Земле и русскому народу.

Некоторые из его песен, относящиеся тематически к Карпатской Руси, были напечатаны в нескольких номерах „Свободного Слова”. Пожертвования направлять или в редакцию „Свободного Слова” или непосредственно автору на следующий адрес:

Alexander Kotomkin, Hamburg - Lurup,
Fahrenort 104, Haus 2, West Germany.

На издание „Юбилейного сборника песен” А. Е. Котомкина пожертвовал Валентин Еремин 5.00 дол.

В г. Нью Йорке вышел в свет СЕДЬМОЙ ТОМ труда Архиепископа НИКОНА (Рклицкого) „ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БЛАЖЕННЕЙШЕГО АНТОНИЯ, МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО И ГАЛИЦКОГО”.

В 7-м томе описывается „Русская церковная смута за границей”. В книге 424 страницы, цена ПЯТЬ долларов.

**

Ранее вышли в свет:

1-й т. — от рождения митрополита Антония до вступления на архиерейскую кафедру.

2-й т. — архипастырское служение на Уфимской и Вольнской кафедрах.

3-й т. — всероссийские церковные труды.

4-й т. — на Харьковской кафедре, Всероссийский Церковный Собор 1917-18 г. г. и Догмат Искупления.

5-й т. — организация русской церковно-общественной жизни за границей, после эвакуации из Крыма, в 1922 г.

6-й т. — гонения на Церковь в советской России.

Цена всех семи томов — 23 доллара.

Выписывать из Епархиального Книжного Склада в гор. Нью Йорке:

Diocesan Publishing House, 1841 Bathgate Ave,
New York 57, N. Y., USA.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1961 год

на ежемесячный военно-политический журнал

„НАША ПЕРЕКЛИЧКА”

Подписная плата 3.60 дол. в год. Можно подписаться на любое количество номеров, исходя из расчета 30 центов за номер.

Адрес редакции:

423 W. 118th Street, New York 27, N. Y. USA.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО”

Примечание: Тем из читателей, кто не указал подробно, для какой цели посылает деньги, мы засчитали 3 доллара, как подписную плату, а остальную сумму — как пожертвование. Подписная плата, само собою понятно, в списке жертвований не отмечается.

Епископ Серафим	10.00 дол
о. Л. Ладинский	8.00 дол.
С. Ч.	10.00 дол.
о. А. Цуглевич	10.00 дол.
о. Ф. Пензеник	10.00 дол.
Л. А. У.	1.00 дол.
Г. В. С.	1.00 дол.
М. М. С.	1.00 дол.
А. Горбачевский	7.00 дол.
Г. Хомяк	1.00 дол.
А. Низов	25.00 дол.
Н. Г.	10.00 дол.
Н. Шубин	1.00 дол.
Н. Короленко	2.00 дол.
о. А. Федоронко	5.00 дол.
Фомин	6.00 дол.
Г. Черн	5.00 дол.
С. Сиско	5.00 дол.
о. А. Знаменский	2.00 дол.
Ю. П. Миролубов	1.00 дол.
А. Т.	20.00 дол.
М. Т.	20.00 дол.

Итого: 161.00 дол.

Редакция и Инициативная группа для организации общества приносят сердечную благодарность всем добрым русским людям за своевременную помощь.

Издатель:

Инициативная группа для организации карпатского общества.

Редактор: М. ТУРЯНИЦА

Form 3547 — Return Postage Guaranteed

Printed in USA.